

## ИСКАТЕЛЬ АБСОЛЮТНОЙ ИСТИНЫ ЛЕОНИД ЮДАСИН



Есть люди, которые рождаются, приходят в этот мир как будто специально для того, чтобы удивлять. Своими неординарными поступками, необычным, только им присущим мнением, парадоксальными взглядами и пристрастиями, непохожестью на других людей. Именно таким нестандартным, не таким, как все, является гроссмейстер Леонид Юдасин. Знаменитый шахматист, двукратный претендент на мировой титул, вице-чемпион СССР 1990 года (поделил 1-4 места), Олим-

пийский чемпион в составе советской команды, чемпион Ленинграда и Израиля, обладатель 1-го Кубка СССР по быстрым шахматам, он и в шахматы играет не так, как другие. Таких как он, называют «кривыми шахматистами». Не в уничижительном, пренебрежительном смысле, а с безмерным удивлением, что, и нарушая шахматные принципы, сплошь и рядом пренебрегая основополагающими правилами, можно, оказывается, одерживать победы, да еще какие!

Леонид Юдасин пришел в редакцию «Вечернего Нью-Йорка» не для того, чтобы рассказывать о шахматах, тем более о себе, на что я, честно говоря, надеялся. Я знал Леню еще мальчиком в Ленинграде, встречался с ним за шахматной доской в Кубках газеты «Вечерний Ленинград», брал у него интервью в 1988 году на чемпионате СССР в Москве... И тогда, и сейчас я не обнаружил в нем и крупницы тщеславия, честолюбия, желаний поведать миру о себе, о своих успехах. В «Вечерний Нью-Йорк» Леонид Юдасин пришел как человек, стремящийся донести до людей истины, которые самому ему открылись после долгих, мучительных поисков и раздумий.

Юдашин родился в 1959 году в Ленинграде в скромной интеллигентной семье инженеров.

– Мои родители, – говорит Юдашин, – были евреями только по рождению, по паспорту. Мы не жили по еврейским законам, не соблюдали обычаев, не отмечали еврейские праздники. О том, что мы евреи, мы вспоминали только тогда, когда подвергались дискриминации, о которой, правда, забыть было невозможно. Практически она висела над нами всю жизнь. Мать окончила школу с золотой медалью, но вопиющим образом, вопреки существовавшим тогда правилам, не была принята в университет, а потом неоднократно ее увольняли с работы по единственной причине – из-за пятого пункта. К отцу, великолепному инженеру, посылали на консультацию студентов и дипломантов, сотрудники постоянно обращались за советом. Но его упорно не повышали, держали на низкой зарплате. Работать отцу еще разрешали, руководить – категорически нет. Но все эти ущемления, несправедливости, ни на йоту не приближали нашу семью к еврейству. Мы не понимали его сущности, глубинных корней и не стремились к пониманию. Родители не смогли бы, если бы и захотели, объяснить мне, что происходит и почему. Полагаю, что многие интеллигентные советские евреи без особых душевных переживаний ассимилировались, растворились в окружающей среде, если бы им это позволили сделать. Что уж говорить о рядовых людях, если выдающийся историк Натан Эйдельман написал в одном из своих писем Валентину Распутину: «Я еврей, пока есть хотя бы один антисемит». Само понятие «еврей» для него не имело никакого позитивного содержания.

– Александр Солженицын в своей книге «Двести лет вместе» попытался понять сущность еврейства и проанализировать взаимоотношения евреев и России.

– Наверное, пытался, но у него не получилось. Солженицын – очень талантливый человек. Если он объясняет правильное, разумное, то делает это с потрясающей убедительностью и глубиной, но если изо всех сил старается доказать недоказуемое, то глупость и невежество бьют из его рассуждений фонтаном. В этом случае у него проступают, я бы даже сказал, характерные параноидальные черты. Отдельные рассуждения вроде бы

логичны и правильны, но, будучи связанными в каком-то общем выводе на самом деле не являются таковыми. Если вернуться к его книге «Двести лет вместе», то он, будучи в принципе очень добросовестным человеком, действительно, перелопатил гору литературы и документов, чтобы добраться до истины. Но Солженицын изначально не понимал сути еврейства и, конечно же, не мог решить поставленной перед собой задачи. Он, например, утверждает, что евреи всегда старались ассимилироваться, слиться с народом, с которым жили, чтобы максимально облегчить себе условия для торговли. Но если это так, то почему же евреи в США и других демократических странах селятся кучно, поближе друг к другу? Как же удалось евреям сохранить нацию, не расплыться за две тысячи лет? Он утверждает, что христианство высоконравственно, в отличие от безнравственных евреев, и тут же отмечает, что евреи помогают друг другу, что всегда и всюду считалось показателем высокой нравственности.

– Так, может быть, все объясняется достаточно просто: Солженицын примитивный антисемит?

– Антисемит, но не примитивный. Он просто, к сожалению, многого не понимает. К тому же он большой и искренний патриот России, болеет за русский народ и видит, от непонимания, конечно, в евреях зло для России. Но, ни его, ни даже палестинских арабов я бы не поставил рядом со многими левыми в Израиле. Вот уж кто настоящие антисемиты, вот уж для кого нет ничего святого.

– Когда еврейская проблема вошла в жизнь Леонида Юдасина?

– По-настоящему я столкнулся с антисемитизмом и дискриминацией, когда учился в Ленинградском политехническом институте. Чтобы отвести от себя внимание общественности и соответствующих органов, проворовавшиеся сотрудники института придумали какой-то мифический сионистский заговор, сделал меня его руководителем. Я даже не знал тогда толком, что такое сионизм, и не желал каяться, не понимая за что. Изгнание из института, столь же унижительное, сколь и бесполезное хождение по инстанциям, служба в армии, правда, кратковременная, принудительное лечение в сумасшедшем доме открыли мне глаза на то, в какой стране я живу, на то, каким я сам должен быть.

Если бы не помощь настоящего русского интеллигента, профессора Дмитрия Михайловича Васильева и если бы не вмешалась шахматная общественность города в лице замечательного человека и тренера Владимира Григорьевича Зака, меня бы могли посадить в тюрьму.

Позже я узнал, что такое решение уже было принято. Здоровье мое в результате всех этих пертурбаций сильно пошатнулось, я даже терял сознание. Но зато навсегда вылечился от иллюзий молодости.

От отчаяния и депрессии меня спасли шахматы, в которых я в это страшное для меня время каким-то непостижимым образом стал резко прогрессировать, может быть потому, что от всех переживаний не наступило неминуемое взросление. Я сумел все же получить высшее образование. Когда рассматривалось мое заявление в Заочный политехнический институт, на столе приемной комиссии лежал листок с характеристикой на меня. Листочек был небольшой, и на нем просто не хватило места для перечисления всех моих «преступлений», только одна фраза – отчислен за нарушение учебной дисциплины. Ну, а нарушения могут быть разные: пришел на занятия в нетрезвом виде, еще что-то в таком духе. Закончив институт с красным дипломом, я всерьез подумывал о научной работе, но шахматы все же перевесили.

В 1990 году на гребне шахматных успехов Юдасин оформляет рабочую визу в США. В этот период жизни шахматы уже не поглощают его целиком и даже, пожалуй, не стоят на безусловном первом месте среди его жизненных интересов.

– Я вообще никогда не был только машиной для делания ходов на шахматной доске. Даже когда, будучи профессионалом, я отдавал шахматам дни и ночи, то наряду с дебютами, миттельшпилем, эндшпилем пытался понять философию, социальную суть шахмат, определить, что они значат для меня лично и для человечества в целом. Сейчас можно купить написанную мной книгу «Тысячелетний миф шахмат», над которой я работал пять лет. Изучал, анализировал их с точки зрения истории, психологии, математики... Только на сбор материалов мне потребовалось полтора года.

– В Соединенных Штатах ты прожил всего полгода и уехал обратно в Россию, тогда еще СССР.

– В США я поехал по личным обстоятельствам, по личным же обстоятельствам и вернулся. Во мне еще очень глубоко сидели корни, связывавшие меня со страной, в которой я родился. Но была еще одна причина моего возвращения. В поисках себя я слишком активно увлекся некоторыми совсем небезопасными науками, в частности спиритизмом, оккультизмом, парапсихологией и в своих изысканиях зашел слишком далеко. Надо мной нависла серьезная угроза, и оставаться в Штатах было просто нельзя.

– А что, потусторонние силы, которые ты, очевидно, потревожил в США, были не в состоянии преодолеть расстояния и границы?

– Это сложный вопрос, требующий специального разговора. Для пояснений необходимо слишком много времени. Еще раньше, до отъезда в США я усиленно изучал религию, вернее религии. Впоследствии я даже читал лекции по христианству, мистическому мусульманству, буддизму... Длительное время я был близок к идее объединения всех мировых религий.

Мне понадобилось несколько лет очень напряженного труда, мучительных раздумий, исполнения заповедей, чтобы понять место и роль каждой из религий и определить, что во всех в них обязательно присутствуют элементы Торы, хотя чаще всего в искаженном виде. В процессе познания я убедился, что даже многие евреи не только не понимают глубинной сущности иудаизма, но и не знают его основ.

– Итак, ты вернулся в СССР, но потом снова уехал, на этот раз в Израиль.

– Я вернулся не в ту страну, которую покинул. После перестройки, может быть, что-то и изменилось к лучшему, но пропала нравственность. Погоня за деньгами, за всякой мишурой, внешними благами приобрела разнузданный, неуправляемый характер, да еще и возводилась в доблесть. В такой стране мне не было места. Но при этом мне хотелось бы уточнить. В СССР я уже даже после возвращения из США жил вполне комфортно, успешно играл, был уважаемой, известной личностью, неплохо

зарабатывал, у меня был хороший интеллектуальный круг общения. И хотя я отчетливо видел недостатки, я не бежал из страны, я стремился на Святую землю. Я живу сейчас не в Израиле, а в США потому, что здесь живет моя семья, любимая жена Блюма. Из больших стран США, вероятно, самая религиозная страна в мире, но связь с Израилем я не рвал и не собираюсь этого делать. Сейчас я живу вместе с сыном, он учится в иешиве «Мир», дочь осталась в Иерусалиме.

– Читатели газеты мне не простят, если, встретившись с Леонидом Юдасиным, я не поговорю с ним о шахматах.

– К шахматам меня приобщил отец, сильный, шахматист и шашкист, естественно, на любительском уровне. А первым тренером стал первоклассный мастер и очень добрый интеллигентный человек Георгий Михайлович Лисицын. Очень скоро, он, сообщив моим родителям, что я способный мальчик и что у меня неплохие перспективы, отправил меня во Дворец пионеров, где были наилучшие в городе условия для воспитания юных талантов. Не знаю, каким образом Лисицын обнаружил во мне способности. По крайней мере, таким вундеркиндом, как Спасский, Каспаров или Фишер, я никогда не был. Я действительно демонстрировал в начале немножко «кривоватую» игру, хотя шахматные принципы нарушал несознательно, а просто по непониманию.

Я уже сказал, что знаю Юдасина давно и не совсем с ним согласен. Он всегда очень хорошо ставил позицию, а многие его соперники, даже знаменитые гроссмейстеры, уповая на его пресловутую «кривоватость», терпели от него тяжелые поражения. Кроме того, можно считать доказанным, что успеха в любой области добиваются как раз те, кто чего-то не понимает и старается сделать по-своему. Леонид Юдасин – исключительно талантливый шахматист и, хотя он и так добился многого, если бы целиком посвятил себя шахматам, то достиг бы гораздо большего.

– Рос я в шахматах не стремительно, но довольно быстро, в немалой степени благодаря замечательному тренеру Александру Васильевичу Черепкову. К 17 годам я играл в силу хорошего кандидата в мастера, а в 19 лет стал мастером, хотя и не вполне заслуженно – благодаря плану, который был в спортивном обществе «Буревестник» на производство мастеров спорта. Но играл я

к тому времени уже действительно в силу очень хорошего мастера. Если попробовать дать характеристику моему стилю, то все видели меня острокомбинационным шахматистом, и действительно считал я быстро и тактик был неплохой, но сам я назвал бы себя все же скорее позиционным шахматистом. Ну а дальше все известно. В 1990 году я впервые стал претендентом на звание чемпиона мира.

– Живя в США, ты принимаешь участие в шахматной жизни?

– Много играю в турнирах, тренирую сильнейшую шахматистку страны Ирину Круш, единственного афроамериканского гроссмейстера, остроумного, приятного человека Мориса Эшли, пишу книги.

– Почему, несмотря на обилие сильных гроссмейстеров, большая часть из которых выходцы из бывшего СССР, шахматы в Соединенных Штатах продолжают уступать России?

– Там шахматам уделяется больше внимания. Они по-прежнему престижны. Здесь же, в США, другие ценности.

– А что ты скажешь о мировых шахматах в целом?

– Эпоха Ботвинника закончилась в конце 80-х годов. А теперь в шахматах царит хаос.

– Но Каспаров вышел из ФИДЕ в 90-х годах.

– А это началось раньше, еще тогда, когда ФИДЕ возглавил Кампоманес, стяжатель, превративший Международную шахматную организацию в свою вотчину. До него ФИДЕ руководили интеллигентные, порядочные люди. При нем же ФИДЕ потеряла свой былой престиж. Ко всему прочему, распались две великие шахматные супердержавы – СССР и Югославия. Да и компьютеры сыграли свою роль. Теперь не нужно так напрягать серые клеточки мозга, большую часть работы за тебя сделает компьютер. Общий уровень за последние десять лет чрезвычайно вырос, но одновременно произошла девальвация шахматных званий. Устарела квалификационная система. Очень много склок, раздоров, что всех чрезвычайно нервирует и, может быть, в какой-то мере отпугивает от шахмат детей, их родителей и потенциальных спонсоров.

– Ну, а что ты скажешь о шахматной иерархии в мире?

– Ничего особо оригинального. Лучшим игроком мира, несмотря на проигрыш матча Крамнику, оставался Каспаров, но очень

близки к нему по классу Крамник, Ананд, Топалов. Чуть-чуть ниже Иванчук, Свидлер, Гельфанд, чрезвычайно интересный, хотя и нестабильный шахматист Саша Морозевич (интервью было дано несколько лет назад, с тех пор расстановка сил на шахматном Олимпе немного изменилась – Б. Г.). Широким фронтом идут на штурм Олимпа китайцы, а женщины-китайки уже доминируют. Китайские шахматисты – и мужчины, и женщины – это живые компьютеры, великолепные счетчики без нервов.

– Вернемся к еврейской традиции, которой, как я понимаю, ты отдаешь большую часть своего времени и душевных сил. Как ты относишься к весьма модному сейчас и распространенному увлечению каббалой?

– Вот именно «модной». Это серьезнейшая, глубокая наука. Ею можно заниматься, отдав себя этому полностью, или не заниматься вообще. Эту науку нужно изучать, только в совершенстве зная Талмуд. Сейчас развелось много преподавателей каббалы, недобросовестных, безграмотных людей, сделавших из этого кормушку.

– А теперь поговорим об Израиле. Что, по-твоему, мнению, сейчас происходит там и что нужно делать народу и правительству в условиях непрерывного террора?

– В Торе есть слова Бога, обращенные к Израилю: «Если ты пойдешь против меня и будешь гневить меня небогом, то я буду гневить тебя nenародом, народом-извергом испытывать тебя».

– Nенарод – это, очевидно, палестинцы?

– Да. Потому что ни в культурном, ни в историческом аспекте палестинские арабы не являются народом, а лишь различными этническими группами. Это народ-изверг, который публично выражает радость, когда взрывают «башни-близнецы» в Нью-Йорке или автобус с детьми!

– А чем народ Израиля прогневил Бога?

– Тем, что живет не по законам Торы. Все эти социализм, коммунизм, сионизм, идишизм, культурная автономия... Я уж не говорю о проституции, жульничестве, различного рода махинациях, пренебрежении к религии... Я не вижу другого пути, кроме возвращения к Торе.